

A woman with long, flowing brown hair and large, white, feathered angel wings is walking through the ocean waves. She is wearing a white, off-the-shoulder, short-sleeved dress with a wide, brown, tactical-style belt. The background shows a blue sky and a calm sea under a soft, golden light, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is ethereal and powerful.

Евгения Усачева

Раздетые до костей

18+

Евгения Усачева

Раздетые до костей

«Автор»

2026

Усачева Е.

Раздетые до костей / Е. Усачева — «Автор», 2026

«Раздетые до костей» — это художественный роман, созданный на основе документального материала. В центре повествования — судьба комиссара подпольной антифашистской организации города Таганрога Семёна Морозова. Роман возвращает из исторической тени легендарное Таганрогское комсомольское подполье, успешно противодействовавшее оккупантам на протяжении почти двух лет. Это история о людях, которым пришлось жить там, где каждый их выбор мог обернуться пытками, смертью или предательством. Но, несмотря на тяжелейшие испытания века, каждый из них сделал правильный выбор — выбор в пользу мужества, верности своим убеждениям, борьбы за Родину и её будущее.

© Усачева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Танки идут к морю	5
Глава 2. Филателист	13
Глава 3. Принц на белом танке	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Раздетые до костей

Глава 1. Танки идут к морю

Октябрь 1941

Курт с наслаждением раскурил крепкую ароматную сигару. Сизо-лиловый дым лениво поплыл над бронёй пятнистого «тигра»¹, взвился облаком над башней и растаял в прохладном утреннем воздухе. Мужчина сладко потянулся, вытянул затёкшие ноги и зажмурился от удовольствия. Он полулежал на броне танка, греясь под ласковым солнцем. Вдали уже виднелось море. Оно раскинулось посреди сухой выжженной степи, как чудо, его тёмно-синие воды переливались под лучами чужого солнца, словно бриллианты; каждый солдат в дивизии взирал на их сверкающую вдали гладь с вожделением.

Боялись... Нет, опасались, ведь страх был Им неведом. Опасались, что не возьмут, что опоздают, что вдруг сверху изменят приказ, и они обойдут стороной этот цветущий манящий город, раскинувшийся на берегу тёплого моря.

Настроение Курта в то безмятежное утро ничего не могло испортить: ни предстоящие бои, ведь Они, ещё бы, обязательно выйдут из них победителями, ни полчища зелёных комаров – коренных обитателей азовского побережья, ни вчерашний суп, которым они с другом подкрепились в Мариуполе, и который сразу показался Курту несвежим. Но после напряжённых боёв есть хотелось так сильно, что мужчины проглотили его, не взирая ни на что.

Край вечного лета... Местные говорили, что оно здесь наступало в середине апреля и заканчивалось аж к концу октября. И Курт смог убедиться в этом лично. В то утро, когда он нежился под лучами солнца, пуская сигаретные кольца, на календаре уже была середина октября, но осени как ни бывало.

Люди здесь были молчаливые, либо притихли в ожидании вражеского наступления. А Они... Как куклы заведённые – исполняли чужую волю, принимая её за свою. Да так натурально. Так искренне. Не отличишь от истинного.

Суп просился наружу, а Курт намеренно душил его сигаретным дымом, подставляя живот солнцу. Всё-таки отравили, русские черти!

– Тебе нехорошо? Ты весь зелёный. – Окликнул майора лучший друг.

Мейер повернул голову. Никогда не унывающий Макс Вюнше жмурился в платиновых лучах солнца. Его светлые волосы отливали рыжиной, как и эта степь.

Курт никогда не был особо религиозен, но в Бога верил. Не в того антропоморфного старика, сидящего на пуховом облаке и наказывающего несмышлёнышей за каждую провинность, а в Бога истинного, который зовётся Любовью. Он – та самая сила, что пригвозждает спутники к планетам, а планеты к звёздам. И людей к людям. Намертво. Так, что не отвертишься. Он заставляет любить то, что любить невозможно. И именно потому, что ты ощущаешь на себе действие этой Силы, ты любишь. Даже друзья, как и родственники, посылаются свыше, и Мейер был уверен, что и их с Максом вот так друг к другу пригвоздили – сотни боёв плечом к плечу: Франция, Польша, теперь Россия. Курт всегда мог положиться на Вюнше, как на свою правую руку, как и Макс на майора.

Желудок скрутило ещё сильнее.

– Пожалуй, я пойду... – Курт неловко перекатился по броне и спрыгнул на землю.

– Или, иди, облегчись! – Захохотал Макс, блеснув идеальной белозубой улыбкой.

¹ «Тигр» (Panzerkampfwagen VI «Tiger» Ausf.H–E) – немецкий тяжёлый танк времён Второй мировой войны.

Он зажмурился от яркого солнца и потянулся. Сверкающий город вдаль приковывал взгляд. Вюнше смотрел на него в предвкушении.

Но вот незадача! Как только они вступили в город 17 октября, опередив войска Вермахта, тут же их ожидал неприятный сюрприз: в порту Таганрога столпились беженцы. Несколько канонерских лодок уже отчалили, напуганные горожане брали штурмом последнюю.

– Вот чёрт! – Выругался Мейер. – Всё же шло, как по маслу. Город пуст, красноармейцы ушли. Теперь придётся с ЭТИМИ разбираться!

– Может, ну их? Пусть плывут... на поиски своего счастья. – Усмехнулся Макс, отстраняя от лица бинокль.

Высокие симпатичные эсэсовцы стояли на высоком мысу, наблюдая за чужим бегством.

Смертоносная сила прикрывала их спины – новейшие «тигры» с непробиваемой бронёй, мощные гаубицы, проворные бронетранспортёры, а впереди лежал на берегу моря, дрожа от ужаса, распластанный в своём бессилии, оставленный на растерзание город.

Те, кто пытались спастись, даже не подозревали о том, что в бинокли за ними внимательно наблюдали, и именно в тот момент, когда они расталкивали и топтали друг друга, роняли чемоданы и пытались влезть без очереди, решалась их судьба.

– Это – боевые корабли. Они могут открыть по нам огонь. Будем атаковать. – Безапелляционно заключил Курт и отложил бинокль. Макс с ним согласился.

Конечно, эту причину они притянули за уши, ибо вряд ли б кому-то из беглецов взбрело в голову открыть огонь по вступающим в город эсэсовским частям – тут бы свою голову унести.

Майор отдал приказ, и тут же мерный шум моря разрезал грохот танковых орудий. Зелёно-бирюзовые волны вздыбились над безмятежной поверхностью, распугав чаек. Их сизые перья закружились в жарком осеннем воздухе.

Мейер и Вюнше... И вроде хорошие парни, храбрые солдаты, талантливые командиры, у каждого за плечами немало боевых подвигов. Но вот пришли на Восточный фронт – и будто Дьявол в них вселился! Начали жечь, топтать, расстреливать без суда и следствия – и цеповые псы позавидовали бы их прыткости. Что же делает с людьми этот Восточный фронт? Загадка! Кажется, он полностью их расчеловечивает!

И будто сквозь значительное расстояние Макс Вюнше почувствовал на себе чей-то пронзительный взгляд, полный холодной ненависти – взгляд врага, который принял единственное решение, отменить которое могла лишь смерть – мстить до последнего вздоха. Некто пока ещё неизвестный гауптштурмфюреру намеревался мстить немецким войскам, всему Рейху и конкретно ему, Вюнше, хотя за что? Этого зомбированный эсэсовец понять никак не мог, и только «видел» колючие тёмные глаза, впившиеся в его спину иглами. Он даже обернулся несколько раз, вглядываясь в хаос, творящийся в порту но не смог различить ни одной детали.

В заливе горели три канонерские лодки. Беглецы, которым удалось спастись с тонущих судов, гребли к берегу. Неугомонный Мейер дал приказ расстреливать даже их.

– Ты не понимаешь: там, внизу, сто процентов, партийная верхушка! Драпают из города. Но не выйдет! – Курт терпеливо втолковывал другу.

Чудесное утро было безнадежно испорчено коммунистами.

– Ладно, ты, наверное, прав. Оставлю это право тебе: решать ИХ судьбу.

– Ещё бы ты ни оставил! Вообще-то, это ты у меня в подчинении, а не наоборот!

Высокий стройный офицер с хмурым лицом недовольно взглянул на них: по его мнению, эти двое вели себя беспечно и неподобающе, нарушали устав и субординацию. Этим офицером

был девятнадцатилетний унтерштурмфюрер СС Вернер Вольфф, адъютант Йохена Пайпера². Он только что выполнил бесполезный, по его мнению, приказ. Ему было жаль расстрелянных людей в порту. Он ещё не знал, что сам несильно переживёт их: что умрёт в марте 1945 в госпитале в Нижней Австрии после шестого ранения, и вся его длинная жизнь, которая могла бы у него быть, сожмётся в точку сингулярности так быстро.

Обожаемый начальник был далеко: он задержался в Мариупольском госпитале из-за ранения, и должен был прибыть в Таганрог позднее.

«Если б Йохен был тут, он бы не допустил этого бессмысленного кровопролития! – с досадой подумал Вернер. – А Мейер туповат. Нам припомнят его самоуправство!»

И тут же спросил себя: «Кто припомнит? Их командованию всё равно, сколько погибнет русских – хоть все до единого: они для немцев – расходный материал, а красноармейцы – сплошь дезертиры и пьяницы!»

И всё же! Был бы здесь Пайпер! Он хоть и ниже Мейера в звании, но до того, как попасть на фронт, занимал должность первого адъютанта самого рейхсфюрера Гиммлера; у Пайпера есть влияние и связи – майор бы к нему прислушался. Попробовал бы только при нём гнуть свою линию – сразу бы позвонили из соответствующих органов или прислали кого-нибудь.

Эх! Как же Йохена здесь не хватает! Дай Бог ему скорейшего выздоровления и крепкого здоровья на долгие годы!

Рука не протискивалась. Что бы Семён ни делал, как бы её ни поворачивал, как бы ни сжимал травмированную ладонь или пытался растянуть ткань. Неужели придётся распарывать рукав? Нет, ну нормально? Они, что, не могли сделать его шире?

Промучившись минут пять, парень стащил с руки громоздкий протез, легко засунул ладонь, вернее, то, что от неё осталось, в рукав и накинул куртку на плечи. Он всегда выбирал одежду с широкими рукавами, чтоб не было проблем с одеванием, но эта была с чужого плеча, поэтому выбирать не пришлось. Вся одежда Морозова потонула в Таганрогском заливе. Проклятые эсэсовцы расстреляли все суда, когда горожане пытались эвакуироваться. Морозову едва удалось спастись, ну а его багаж, к сожалению, не уцелел.

На Таганрог наступала самая хваленная, самая распиаренная немецкая дивизия Лейбштандарт³. Пока что на донской земле они отличились только расстрелами безоружного мирного населения, ну а какие они в бою, это предстояло выяснить Красной Армии, державшей оборону у села Самбек.

Красная Армия! Как он сам хотел бы вступить в неё! Но Семёна не взяли из-за его травмы. Он с досадой сжимал кулаки, вернее, только один из кулаков, когда читал очередные сводки Совинформбюро, рассказывающие об успехах или поражениях красноармейцев.

«Каждый хорош на своём месте!» – всегда подбадривал его отец. Поняв, что военной карьеры ему не сделать, что путь туда просто закрыт, Семён углубился в партийно-политическую деятельность и к 27-ми годам занимал уже должность первого секретаря ГК ВЛКСМ.

Семён с остервенением отшвырнул протез. Пластмассовая «рука» ударилась о каменную стену.

«Хватит! Надоело! Надоело за всю жизнь!»

И к чему он ему теперь, когда идёт борьба за выживание? От кого скрываться? От девочек? Так у них теперь свои заботы, им не до чьих-то искалеченных рук. Скрываться не перед

² Йоахим Пайпер (30.01.1915 – 14.07.1976) – офицер старшего командного состава Ваффен СС, участник Второй мировой войны.

³ 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» – элитное тактическое соединение войск СС нацистской Германии, созданное на базе личной охраны Адольфа Гитлера.

кем. Он чист. Он свободен от своего недуга. Он может предстать перед каждым таким, каков он есть.

Хорошо... Морозов, наконец, готов принять себя таким, какой он есть. Без всяких суррогатов. Хотя, не совсем... Имя... Имя-то другое. Он не назовётся Семёном. Он – Николай, как его кумир Островский. Этот псевдоним идеально подойдёт ему.

Темнеет рано. Николай накидывает тёмно-коричневую поношенную куртку. Нужно срочно к Василию Афанову. Афанов видел его «настоящим». У Морозова негласное правило: появляться перед конкретным человеком только в одном виде: то есть, если кто-то его видел с протезом на больной руке, значит, и впредь он обязан появляться перед этим человеком именно в таком виде, если же, напротив, человек видел его только «настоящим», то скрываться ни в коем случае нельзя. Но он не может допустить, чтоб конкретный человек видел его и таким, и таким. А на этих тварей, фрицев, плевать! Они умрут раньше, чем его увидят. Он всадит каждому из них пулю между глаз, и объясняться не придётся.

«От скромности до забвения – один шаг» – так сказал когда-то его учитель. А Николаю слава не нужна. Он будет делать то, что должно, не надеясь ни на похвалы, ни на награды. И этот своеобразный бзик с протезом ему не помеха, а обидное увечье только придаст сил. Пора действовать жёстко. Скоро оккупанты пожалеют, что не обошли Таганрог десятой дорогой!

Февраль 1943

Командир Einsatzkommando-10 «а»⁴ Генрих Зетцен⁵ был высоким, узкоплечим и невеличким худым, просто истощённым. Серая эсэсовская форма болталась на нём, как на вешалке. Каждый день на завтрак он выпивал одну бутылку тёмного рома, а вторую растягивал на весь день.

Таганрог... Кто бы мог подумать, что судьба забросит его в этот грязноватый, пропахший водорослями и гнилыми морскими сетями, городишко. Генриху он не понравился с первого взгляда. Несмотря на море, что-то депрессивное чувствовалось во всём его облике и в самой природе, то, что усугубляло биполярное расстройство⁶ штандартенфюрера ещё больше. Он всегда чувствовал себя волком-одиночкой по жизни. Семью завёл так, «для галочки», но на самом деле ему никто никогда не был нужен, и ни с кем он не мог сблизиться так, чтобы поговорить по душам.

Филателия – вот единственная отдушина, которая скрашивала жестокие военные будни, и в Таганроге, несомненно, нашлось бы, чем поживиться. Но Генрих чувствовал себя таким разбитым и уставшим, что даже его страсть отступила на второй план. Его маниакальный припадок, который случился с ним во время прибытия в город, сменила апатия. Во время него Зетцен лично расстреливал людей пачками, стрелял даже по голым трупам на дне Петрушинской балки, и всё никак не мог утомиться.

Теперь же он с трудом заставлял себя принять душ, а ворох бумаг на его рабочем столе с каждым часом становился всё больше и больше.

⁴ Айнзацгруппы полиции безопасности и СД – военизированные эскадроны смерти нацистской Германии, осуществлявшие массовые убийства гражданских лиц на оккупированных ею территориях стран Европы и СССР. Играли ведущую роль в «окончательном решении еврейского вопроса».

⁵ Генрих Отто Зетцен (22.06.1906 – 28.09.1945) – немецкий юрист, штандартенфюрер СС, полковник полиции, ответственный за массовое убийство во время Холокоста десятков тысяч в основном евреев и других мирных жителей Украины и Белоруссии, начальник отделения гестапо в Гамбурге.

⁶ Биполярное расстройство личности – хроническое психическое заболевание, для которого характерны существенные и непредсказуемые изменения в настроении, уровне энергии и общей активности.

«Да! Я такой! Меняться поздно!» – вдруг в гневе восклицает Зетцен, обращаясь к своей маленькой пучеглазой собачонке, крутящейся под ногами хозяина.

– Дневальный! Где этот чёртов Тримборн⁷? Опять мародёрствует?!

Запыхавшийся желторотый юноша из Гитлерюгенда⁸ молчит, вжав голову в плечи от страха. Глаза Зетцена сверкают безумием.

– Никак нет... То есть, я не знаю...

– А кто будет знать? Живо разыщи мне этого хитрожопого пса!

С Тримборном они «как кошка с собакой» всю войну. Вроде одно дело делают – один двор на двоих, один враг, но грызутся за каждую мелочь, и в каждой ссоре грозятся друг друга убить. Зато как выпить, так сразу закадычными друзьями становятся. Помимо Кристмана⁹, Тримборн самый дорогой и уважаемый Генрихом собутыльник. Да и собеседник он хороший. Только ему одному Зетцен и может излить душу. Кристману нельзя... Кристман, хоть и лучший друг, но есть в нём некоторая червоточина... Может донести, кому надо, и глазом не моргнёт, и будет считать, что сделал всё правильно... А с них со всех требуют доносить друг на друга. И это вбивает между ними клин, заставляет молчать даже во время попоек. А Тримборну всё равно. Он – мелкая сошка, к тому же, проспавшись, всё равно ничего не вспомнит. И Генрих может болтать ночи напролёт. Болтать всё, что ему заблагорассудится, зная, что дальше ушей Курта это не пойдёт.

Да и начальник полиции Стоянов тоже, кажется, хороший мужик, только из этих... Коллаборационистов. Больше всех Генрих терпеть не может предателей. Они ему просто омерзительны. Но пить с ними можно. И никто не гарантирует, что после попойки Зетцен не продырявит кому-то из них голову. Он старается себя сдерживать. Насколько это возможно. Вертлявая забавная собачонка уиппет¹⁰ ему в этом помогает. Он таскает её с собой всюду, даже в штаб, даже на встречи с вышестоящим руководством, и все смотрят на это сквозь пальцы. Помешанный, да и что с него взять? Главное, что работу свою выполняет на все сто. Роль метлы ему удаётся лучше всего. Пусть выметает теперь за этими коммуняками. А то наплодили всяких комиссаров и секретарей! Скоро от компартии СССР останется лишь труп, как и от всего Союза.

Ноябрь 1941

Психологи советуют отпускать обиды. Они прямо так и говорят: обида – это плохо. Но если отпускать обиды, зло будет безнаказанно! Обида и двигает местью, справедливой местью, а философия отпускания обид растит из людей безвольных рабов. Очень удобная философия для власть имущих. Её они и продвигают, спонсируя таких горе-психологов.

И всё-таки, это правильно... Отпускать обиды. Как хорошо становится, когда твоя душа свободна от ненависти, от зла, от досады... Но как же жить? Как же можно выжить в этом мире без них? Без них тебя съедят, как хлеб. Ты станешь пищей для других, но никогда не насытишься сам.

Рано ему ещё думать о таких высоких материях. Что он, старик, что ли? Сейчас надо думать о насущных проблемах. О том, как защитить Родину от нелюдей. О том, как выжить,

⁷ Курт Тримборн – оберштурмфюрер Einsatzkommando-10 «а».

⁸ Гитлерюгенд (нем. Hitlerjugend, HJ) – молодёжная организация Национал-социалистической немецкой рабочей партии (NSDAP). Название дословно можно перевести как «Молодёжь Гитлера».

⁹ Курт Эмиль Генрих Кристман (01.06.1907 – 04.04.1987) – нацистский военный преступник, оберштурмбаннфюрер СС, командир зондеркоманды 10а в составе айнзацгруппы «D».

¹⁰ Уиппет – небольшая гладкошёрстная порода собак, относящаяся к группе охотничьих собак (борзых).

чтобы продолжить борьбу. Как организовать работу подполья. А оно будет. Будет! И вобьёт железный крест в крышку нацистского гроба!

Дом Афионов на Перекопском, 30 – добротный старинный домик с высокими ставнями и приятной голубоватой облицовкой. Морозов пробирается под покровом сгущающейся ночи. Три условленных стука в окно. Ему идут открывать.

Его встречает Василий Афионов с неизменной улыбкой, добрый, круглолицый, в сером комбинезоне и накинутой поверх коричневой кожаной куртке.

– Замёрз? Это мы сейчас... Это мы быстро тебя отопреем...

И чуть пригнувшись, будто под свистящими пулями, проводит друга в дом.

Они – друзья навсегда. И даже предательство их не разлучит! Да какое предательство? Разве может кто-то из них предать?! Они не могут. А вот другие очень даже. Морозов гонит от себя дурные мысли. Нет! Он уверен во всех, кого знает. Морозов больше доверяет тем, кто видел его «настоящим».

На столе ничего не было, кроме бутылки самогона и тарелки с луковичами. Тусклый свет керосиновой лампы играл слабыми бликами на лицах присутствующих. Осунувшиеся юноши и девушки едва улыбнулись, увидев Морозова. Любимый, учитель, любимый пионервожатый, верный друг для всех. Хоть и говорят, что друг всем – ничей друг, но Николай был исключением из этого неизвестно кем придуманного правила.

Выпивка на столе – лишь прикрытие для собрания. Они празднуют чей-то день рождения. И Николай, и его бывшие ученики вели здоровый образ жизни.

Морозов поворачивает голову и видит в углу Зину Гришину – свою коллегу по комсомольской работе. Как блестят у неё глаза в полумраке! Да вообще, блестят всякий раз, когда она видит Николая. Она любит его, а он её, но делает вид, что девушка ему безразлична. И на вопросы отца неизменно отвечает:

– У меня никого нет. Некогда. Рано ещё жениться. Я об этом не думаю, и т. д.

А на самом деле всякий раз втолковывает своему отражению в зеркале, будто оправдывая своё бездействие:

– Я это ни на кого не повешу... – И переводит взгляд на больную руку. – Что я, сволочь какая-нибудь, чтоб вешать такое на человека, которого люблю?! Нет, не бывать этому! Я сам донесу этот крест и никому его не передам.

Но сердце, залитое бетоном, всё ещё стучало в груди, ему всё ещё хотелось любить. Река времени течёт лишь в одном направлении, да и не во времени дело. Дело в нашем выборе. В выборе, который мы делаем каждый день, и даже не замечаем этого. Только личный выбор формирует реальность, а не та бескомпромиссная версия событий, которую нам пытаются навязать через книги и СМИ.

Ладно, у родителей не было выбора – родился таким, пришлось воспитывать. Но у него-то выбор есть. Вешать или не вешать эту беду на плечи любимого человека и будущих детей. Не будет ни того, ни другого. Он так окончательно решил.

– Привет, Семён! – звонкий голос Зины растапливает холодный осенний воздух.

– Здравствуй! – как можно более отрывистой и холоднее отвечает Морозов, чтобы грубо отвалить от себя ту, которой безразличен.

А нечего! Он, ведь, всё для себя решил. Он ни на кого «это» не повесит. А она пусть поищет в другом месте. Но как же всё-таки мучительно! Из-за своего недуга он навеки лишён не только любви, но даже дружбы, даже просто нормальных человеческих взаимоотношений. Он ни с кем не может сблизиться, потому что не желает быть никому обузой, не желает на кого-то вешать свою проблему, не хочет быть кому-то должным. И для этого он пожертвует самым главным – своими чувствами, живыми человеческими чувствами и останется навсегда камнем. Накроет гранитной плитой дружбу, любовь – пусть эти понятия отныне покоятся для него именно там.

«Я никому не нужен, мне никто не нужен – так что, всё замечательно! Такая простая философия жизни мне по душе!»

– Семён Григорьевич! Как хорошо, что вы здесь! – Робкий девичий голосок раздаётся в полутьме.

– Николай. Меня зовут Николай. – Чеканит Морозов строго.

Да... Настолько он себя не принимает, что даже имя своё изменил. Не хочет собою называться! И лги дальше про конспирацию. Себе-то не солжёшь!

Мать Афонова гремит чашками – и это разряжает внутреннее напряжение внутри Семёна.

Василий с неизменной улыбкой на лице произносит речь:

– Итак, товарищи! Сегодня мы все здесь собрались не только для того, чтобы послушать сводки Совинформбюро. Но и для того, чтобы выбрать комиссара и командира. Нас уже много, и без грамотного руководства наше подполье обречено на провал. Мы должны выбрать, за кем следовать.

«Боже! Васька – умный парень, но насколько у него топорная речь!» – успел подумать Морозов, но тут же его мысли прервал чей-то выкрик:

– А что думать? Конечно, Семён Григорьевич!

– И, правда! – Раздалось слева.

Парни и девчонки загудели.

Но Николай по-прежнему серьёзен. Держит большую руку в кармане.

«Я ни на кого это не повешу!»

А как же, всё-таки, надоело за всю жизнь прятаться и постоянно чувствовать себя хуже других! Наложил бы на себя руки, но врождённое чувство гиперответственности не позволяет! Даже не чувство самосохранения, а именно чувство гиперответственности. Кто наделил его им? Откуда оно? Отец-то был нормальным, да и мать тоже. Откуда он такой дотошный взялся?

Чиркнуть лезвием по шее каждый слабак может. А ты попробуй выживи. Попробуй. Сыграй в рулетку. Авось научишься жить. Или возненавидишь жизнь ещё больше...

Может, он слишком придирается к себе? Придаёт значение мелочам, о которых люди даже не думают? Он не может влезть в головы к своим бывшим ученикам, он не знает, о чём мечтает любимая девушка, он и помыслить не может, что на сердце у лучшего друга. Он ничего не знает, но должен двигаться вперёд и вести за собой всех, кого приручил. Николай берёт себя в руки и чётко произносит:

– Хорошо. Я буду вашим комиссаром. Ну а на пост командира я рекомендую Василия Афонова.

Афонов протестующе машет рукой, он, вообще, очень стеснительный и не любит находиться в центре внимания, но молодёжь уже одобрительно гудит. Конечно, если он не захочет брать на себя такую ответственность, то Николай не станет его заставлять, но он знает, что Василий и слова не скажет, а молча примет эту ношу.

Морозов отлично стреляет. Даже изувеченной правой рукой. А они все не верили в него. Списали со счетов. Не взяли в армию. А он даст фору любому рядовому, а может, даже офицеру! Трофейный парабеллум, добытый им из кабины немецкого грузовика, становится первым оружием подполья. Из него Николай стреляет в водителя, обнаружившего пропажу. Первый раз, зажмурившись. Тяжёлое тело белобрысого фрица валится в пожухлую траву. Его сослуживцы, по-любому, слышали выстрел. Скоро здесь будут собаки. Собаки и люди.

Семён скрывается во мгле. Только ослепительный свет прожектора успевает скользнуть по его пяткам.

Глава 2. Филателист

Февраль 1943

Зетцену уже давно не хочется топтать эту землю. Ему хочется спать. Но спать нельзя. Кругом враги, а он – островок спокойствия и стабильности в море хаоса и безумия. На его плечах лежит огромная миссия. Он не может подвести Фюрера. Не может подвести себя. Он выгрызает эту жизнь зубами и цепляется когтями за отвесные скалы, едва не угодив в пропасть. Он – хищник. Его не победить. Он чувствует себя неуязвимым. Как там этот комиссар? Надо бы его проверить.

– Я на войне с 39-го, пока ты сидел тут задницу парил в кабинетах! Могу я, наконец, раскрепоститься? Или у тебя разрешения спрашивать?

– Я тебя убью! – Шипит Морозов, брызжа слюной в отвратительное лицо эсэсовского полковника.

– Сомнительно, учитывая твоё положение! Ты связан. Ты в гестапо, а не на ярмарке! Смирись уже, наконец!

– Жаба! Ты – отвратительная жаба! Иди к чёрту!

На оскорбления плевать. У Зетцена нет обид.

– Знаешь, я не обижаюсь. У меня обид нет. В отличие от тебя. Поэтому я выиграю. А тебя забудут. Что был ты, что нет.

И улыбается, тварь. Улыбается, будто не на войне он, а в сладком тылу, на просторах любимой Родины с донельзя набитыми карманами и лёгким сердцем.

– Если б у меня так было, я бы ни разу не переживал! Это – ерунда! – Генрих щурится, переводя взгляд на руку Семёна.

– С чего ты решил, что я переживаю?

– Да по тебе видно! Правда, это не стоит внимания. Это с рождения или травма?

– С рождения. – Отвечает Морозов, и сам не знает, почему он ввязывается в разговор с этим палачом.

– Это лучше, чем травма. Зато никто не виноват. И ты тоже. Но скажи, как ты решился на работу с детьми? Не боялся, что они будут шептаться, дразнить, перестанут уважать?

– Может, у вас, в Рейхе, есть и такие, но советские дети воспитаны правильно.

– Ты лукавишь, комиссар. – Веселится Зетцен. – Сто процентов: тебе в детстве приходилось несладко. И не надо меня разубеждать. Я прожил на этом свете поболее тебя.

Он специально пытается задеть, найти слабое место, сломить морально, ведь предвидит, что сломить физически не получится.

– Тебе когда-нибудь хотелось умереть? – Спрашивает штандартенфюрер, и еле заметная улыбка растягивает его страшный рот.

«Хочется... Каждое утро и каждую ночь...» – Думает Морозов, но молчит, чтобы не давать врагу лишнего повода себя унижить.

– Ладно. Я не буду лезть тебе в душу. Лучше расскажи, как ты стал комиссаром? Кто тебя назначил?

– Так я тебе и расскажу! Иди к чёрту!

Почему-то Генрих чувствует, что с каждым днём привязывается всё больше и больше к этому коммунисту. Может, он даже отменит неминуемую казнь, и будет таскать его за собой, как ручную собачонку. Посмотрим.

Один из полицаев бьёт Морозова наотмашь. Генрих тут же шипит на него:

– Не смей! К моим игрушкам могу прикасаться только я!

Вот, значит, как! Комиссар – его игрушка!

– А ты сам, полковник, чья игрушка? Своего обожаемого Фюрера?

Ох, зря Морозов говорит это вслух! Ноздри разъярённого, тощего быка раздуваются, как меха. Совсем не арийские, болотные глаза наливаются кровью.

В один момент Зетцен сокращает расстояние между собой и пленником до нуля и практически впирается когтями в горло жертвы, оставляя на измождённой коже кровавые разводы.

– Твой язык, комиссар, хуже пистолета! Ты заплатишься за каждое слово! Поплатишься!

– И швыряет обессиленное тело на пол.

– Не поить! Не кормить! – приказывает он надсмотрщику, и как только за Морозовым и полицаем закрывается дверь, в нервном порыве скидывает все вещи со стола.

– Тварь! Малолетняя, вредная дрянь! Ты у меня получишь! Ты передо мной на коленях ползать будешь!

Эх, Генрих, боюсь, твоим влажным мечтам не суждено сбыться!

Нацистский палач ещё разогревает кулаки. Даже бить Морозова не велел. А велел только мучить жаждой и голодом. Авось, что-нибудь прояснится в его зомбированной голове. Коммунисты? Будем исправлять. Впервые Генрих берётся за исправление и перевоспитание – раньше просто стрелял на месте, в упор. Но с этим парнем что-то щёлкнуло внутри. Он вдруг напомнил ему младшего брата, умершего в раннем детстве. Генрих похоронил эту боль глубоко в себе, накрыл железобетонной плитой и забыл, думал, что она больше никогда не выплывет наружу, но у этого комиссаришки обнаружилась поразительная способность вскрывать его застаревшие раны без скальпеля. А смог бы Морозов заменить ему брата? Нет, не может быть! Комиссара он пустит в расход! Вот только, как скоро, будет зависеть уже от самого Морозова. Но путёвка в лучшую жизнь ему обеспечена. Генрих верит в загробную жизнь. Всегда верил.

Да, полковник... Допился ты до того, что теперь и малолетнее коммунаское отродье тебе кажется ничего... Прикарманил бы... Надо прекращать пьянствовать, а то заработаешь себе ещё и проблем сердечных! Ещё их не хватало!

«Что со мной не так?»

«Да, надо бросать пить... С завтрашнего же дня перехожу с рома на вино!»

Октябрь 1941

Макса где-то носило всю ночь. В казарму он явился только под утро, и, на удивление, трезвый.

Широкие светлые коридоры школы, которую, собственно, командование и выделило под казармы для первого танкового полка, уже были завалены скарбом: ящиками с консервами и алкоголем, мешками с тряпьем и личными вещами.

Мейер – хламида – у школьного кабинета, где располагалась его койка, было больше всего хлама. Курт сгребал всё, до чего мог дотянуться в каждом покорённом городе. Конечно, ведь занюханные серебряные ложки с чьим-то стёршимся вензелем обязательно ему пригодятся дома, в Германии, пусть даже потом и отправятся на свалку, а ещё ему позарез нужен допотопный радиоприёмник – один из тех, которые уже давно не выпускают, но он с прикольной вырезанной из дерева птичкой на рукоятке. Или ещё... Настоящее богатство! Брюки необъятных размеров, брюки просто на какого-то жирдяя... Несколько пар, но новые-новые, видно, что их ни разу не надевали...

В утренней полутьме Вюнше спотыкается об очередной чемодан друга и чертыхается, едва не растянувшись на полу.

– Идиот! Всё выскажу!

Но, конечно же, он ничего не скажет лучшему другу.

Отворяется дверь в казарму. Майор Мейер уже разбужен руганью.

– Где тебя носило?

– Где носило – там больше нет.

– Ах ты, мелюзга! Дерзить?! – А разница в возрасте у них всего-то четыре года!

Макс кидает на старшего взгляд, за который можно простить всё.

– Клиптоманам слова не давали!

И тут же в гауптштурмфюрера летит что-то тяжёлое. Он уворачивается, изо всех сил пытаясь сдержать рвущийся наружу смех. Залазит на «второй этаж», плюхается сверху.

– Курт...

– Что?

– А ты когда-нибудь любил по-настоящему?

– Дай поспать, придурок!

– Ну я серьёзно! Пожалуйста, ответь!

– Я люблю свою жену. – Сопит Мейер в подушку.

– По-настоящему?

– По-настоящему, Макс. Всё, отвали!

Вюнше замолкает, мечтательно глядит в потолок, изучая витиеватый узор позолоченной лепнины, а его мысли уносятся далеко-далеко, к Ней, в Рай, в свою недолгую юность, которая уже почти кончилась... Но будто остался только вечер воскресенья перед затяжной осенью. Так это и ощущается: когда ты вроде ещё юн, весел и беззаботен, но в характере твоём и во всём укладе жизни уже проскальзывает какая-то горечь, которую не перебивает сладкое вино по выходным. Наверное, это взросление. Спросить бы у Курта, как это ощущается. Но он, засранец, уже дрыхнет!

Завтра они переедут в квартиру, которую для них подготовят. Макс ещё не знает адреса. Но вот бы она была поближе к Нонне! Хотя, к чёрту расстояния! Вюнше будет приходиться к её дому, даже если его поселят на противоположном конце города. Только бы она приняла, только бы хоть одним глазком взглянула, а не прошла мимо с презрением, как большинство русских девушек. А странное у неё всё-таки имя для русской!

Февраль 1943

Лёжа на полу сырой чёрной камеры, Морозов думал о том, что было бы, если б... Он прокручивал в голове всевозможные сценарии. Да, Николай понимал, что это – самообман, но когда он мысленно погружался в иные реальности, ему становилось легче. По ночам он мог мечтать. Но только по ночам, потому как ясные февральские дни не оставляли ему шанса на это... Зетцен по ночам спал. Просыпался он поздно, потому что до позднего вечера пил. Штан-дартенфюрер был трёхсотпроцентной «совой». Ближе к обеду он «раскачивался», приходил в себя, а после двух часов садился за плотную работу. Он работал с воодушевлением, потому как предвкушал очередную вечернюю попойку, поэтому старался провести все допросы как можно быстрее.

По ночам Семён отправлялся в неведомые дали своего сознания, чётко рисуя окружающую действительность. В ней не Германия напала на СССР 22 июня 1941 года. В ней Союз опередил нацистов и напал на Рейх первым, и случилось это 5 июня 1941 года! За три года все страны Европы, которые удалось захватить немцам, были освобождены, а сам Рейх денацифицирован. Он перестал существовать 7 мая 1944 года, и на месте его образовалась Германская Демократическая Республика, которая вошла в состав Советского Союза.

И все русские командиры овеяны славой, – представляет себе комиссар, – негаснущей великой славой, которую человечество принесёт через тысячи лет. А этих паскуд забудут. И всякий их след сотрётся с лица Земли! Да будет так! Неважно, кто первым напал, – итог будет одинаков. Морозов верит в это! Никаких чудес не надо – русский народ – стальной народ – он выдержит всё, что бы ни взвалил на него рок! И это – истина.

Но мечты грубо прерваны скрежетом открывающейся решётки.

Полиции с их рабскими ужимками хватают комиссара под руки и выводят в грязный коридор.

И вдруг в его голове внезапно всплывает картина... Один эсэсовский офицер с идеальным лицом куклы стреляет ему в лоб, в упор, а затем пинает ногой зависшее в смрадном холодном воздухе тело. Он падает спиной в обрыв и дальше катится кубарем на дно страшной зловонной ямы. Острые кочки и льдины глодают его кожу, вернее, то, что от неё осталось после пыток, а влажный морской мороз пробирается в лёгкие. Семён ещё жив, вопреки всем законам природы. Его истощённое тело плюхается на дно. Теперь оно лежит с сотнями таких же горемык. Многие из них остались несломленными, но были и такие, которые на краю своей жизни не испытывали ничего, кроме страха, хоть и знали, что их расстреляют.

Нескончаемым кажется вылинявший, вымороженный ковёр из человеческих тел на дне балки, а над ним кружится ледяное посмертное безмолвие. Звук отъезжающих немецких автомобилей уже почти не слышен. Он остался в иной реальности – в той, к которой у комиссара больше нет доступа... Он распластался на полуобу, и промёрзшая земля жжёт его тело сквозь обрывки одежды. Но что это? В затухающих глазах – надежда. Не ненависть, не смирение... Надежда! Морозов знает, что Родина победит, потому что она – Родина, потому что она права. И в этой последней горячности его глаз столько неутолимой жажды жизни, но он вынужден уступить своё место другим. Нет, даже не так... Он умирает за них, за других, чтобы они могли жить.

Прокалённая каменная печь дышала огнём, как врата Ада, поэтому у Зетцена в кабинете все три окна были нараспашку, а сам он сидел в растёгнутом кителе и распахнутой на груди рубашкой. Мокрая от пота ткань неприятно липла к телу, и полковник постоянно обмахивался.

– Чёрт возьми! – грохнул он кулаком по столу. – Почему так долго?

В тот же момент истощённого комиссара Морозова впахнули в кабинет. Он упал на грязный пол, но полиция тут же подняла его и усадила на стул перед полковником.

От жары Семёна затошнило, и если б его желудок не был совершенно пуст, парня вырвало бы прямо на безупречные документы Зетцена, заполненные идеальным каллиграфическим почерком. Ненавистные немецкие словечки выхватывал взор Семёна из вороха бумаг на столе.

Зетцен развалился в кресле и давится сигаретным дымом, приправляя его тёмным ромом. Так хорошо, как в Таганроге, ему не было никогда, но он себе в этом не признается.

– Комиссар! Боже, сочувствую тебе!

– А что сочувствовать-то? – Кисло-сладкий тон Морозова снова вовлекает Генриха в психологическую игру. Полковник изрядно пьян, а время даже не перевалило за полдень.

– Ну... Тебе, ведь, приходится терпеть такие лишения...

– Но это же был мой выбор. Я осознанно начал партизанить.

– И то верно, Морозов. Значит, не сочувствую, а спрошу с тебя, как следует. Как там у вас, русских, говорят: «Кому многое дано – с того больше и спросится?!» За дело! – И кивает прислужникам.

И полиция хватается комиссара под руки. Добиться правды? Нет... Зетцен слишком высокого мнения о своих следовательских способностях.

Железная сетка кровати прогибается под весом комиссара, хотя он сильно исхудал в плену. Один из полицейских щёлкает зажигалкой и поджигает под ним стопку советских газет.

Обжигающее пламя разгорается внизу. Вот жар тихими шажками подкрадывается к беззащитной спине, кожа сначала пузырится, а затем начинает плавиться, как пластик. Семён молча терпит ужасающую боль. Каждую клетку разрывает боль. Даже не так! Это Б.О.Л.Б в самом кошмарном её проявлении на Земле. Николай и не знал, что она может быть такой: лишаящей разума, совести и собственного «я», заставляющей язык болтать всякие несурасицы, а тело сгибаться и разгибаться пружиной против воли.

Вот пламя уже обнажает малиновое мясо под кожей. Нервные окончания отмирают, и комиссар чувствует спиной холод, будто к ранам приложили ледяную корку.

Февральский снег на дворе. Может, враги и вправду обсыпали его тело снегом, чтоб остудить ожоги и продлить его мучения? В глазах двоится. Мир блекнет, а кабинет Зетцена расплывается тугим коричневым пятном.

– Halt!11 – ревьёт полковник спустя минуту и подбегает к Морозову, чтобы встряхнуть его как следует. Но комиссар в сознание уже не приходит от болевого шока.

– Сволочь! – Злится немец. – Ну, ничего! Не разговарю тебя, разговарю кого-нибудь другого! Эй! – Орёт он полицаям. – Турубаровых сюда!

А сам и не знает, зачем ему нужны сёстры Турубаровы – всё равно с них взять уже нечего: полицаи ими наигрались, а языков у них будто нет, как и у Морозова.

У Раи на лице кровавые ссадины, у Вали всё платье изорвано, а на скуле алеет огромный синяк.

«Пайпер бы не допустил такого живодёрства, если б проводил допросы!» – уверен Вернер.

Но с чего бы ему их проводить? Он – честный фронтовик, танковый командир, а не Etappenschwein!1212, как Зетцен.

Полковник расхрабрился: он не боится ни Бога, в которого верит, ни богов, в которых не верит.

Генриху не хочется сегодня шевелиться, но рука, будто против воли сжимает толстую рукоять самодельной плети, скрученной из проводов. Даже для скотины такое орудие пытки – слишком, а для партизан – в самый раз!

Без зазрения совести упырь обрушивает импровизированный, но очень болючий кнут на спины девушек, но сёстры стойко молчат, дёргаясь в путах. А затем берёт горсть пожелтевших листовок и бросает в их искажённые мукой лица.

– Я знаю – это ваша работа! Какой позор! Вы – позор русской земли, раз дали себя оболванить жидобольшевикам!

И Рая, не сдержавшись, плюёт штандартенфюреру в лицо, но тут же получает мощный удар по голове.

– Ладно, я не злопамятный, – вдруг успокаивается филателист, – я прощу вам эти листовки, если скажете, где ваши подельники! А? Отвечайте! Где ваш брат? Где Афины? Где они прячутся?

– Там, где ты их никогда не найдёшь, фашистский ублюдок! – сквозь слёзы и кровь восклицает Валентина.

Зетцен бьёт и её, и девушка, в последний раз бросив на полковника горящий ненавистью взгляд, теряет сознание.

Во тьме кружатся листовки... Тьма пожирает их...

¹¹ Стой! (нем.)

¹² «Etappenschwein» (нем.) – дословно – «тыловая свинья» – антипод фронтовика. Русская адаптация этого выражения – «тыловая крыса».

Глава 3. Принц на белом танке

Декабрь 1941

В тот момент, когда Данилов, согнувшись в свете слабой керосиновой лампы, сидел за столом и собирал радиоприёмник, за окнами раздались выстрелы и послышался дикий женский крик, почти рёв. Он сотряс весь Перекопский переулок, залаяли собаки во дворах, и от этого страшного крика всё внутри Михаила сжалось, завязалось в тугой узел. Та, что кричала, была чьей-то матерью, женой, сестрой, дочерью... А он ничего не мог сделать, мог только тихо сидеть у себя на кухне, как и большинство советских мужчин, оставшихся в оккупации, и благодарить Бога за то, что сегодня его семью не тронули.

«Не бывать этому!»

Михаил сорвался с места, перед этим предусмотрительно накрыв детали радиоприёмника газетами, накинул тулуп и выскочил на улицу. Но только он шагнул за калитку, как голос здравого смысла закричал в его сознании: «Дурак! Что ты делаешь? Опомнись! Они же явятся сюда и увидят, чем ты тут занимаешься! Ты поставишь под удар всех!»

Снежная морозная ночь взирала на землю зрачками бессмертных холодных звёзд. Данилов вдруг поднял голову к небу, вмиг позабыв обо всём, что творится вокруг.

«Все мы здесь, на Земле, – подумал он, – без роду, без племени. А выйдем к звёздам – останемся такими же горемыками, только масштаб цивилизации неудачников станет побольше. Но каждый так и останется в самом себе, как слепой котёнок, гонимый поводырями, и неважно, сколько власти и богатств будет ему доступно. И только нацисты почему-то решили, что они выше всех остальных, хотя терзаемы теми же страстями и пороками, что и любой другой человек на этой планете!»

Твари.

Через три дома от Михаила полицаи вытаскивали из дома еврейскую семью. Отца застрелили на месте. Мать и детей с побоями загнали в грузовик, а затем начали растаскивать добро. Стоянов – пропитая рожу – с красным, набрякшим над верхней губой носом, рылся в чужом чемодане, двое полицаев вытаскивали из дома добротный патефон на подставке из резного красного дерева.

Михаил до боли сжал кулаки, так, что ногти впились в мясо до крови. Ненависть выплёскивалась наружу, как из переполненного сосуда. Он и был этим сосудом. И уже долгое время не чувствовал ничего, кроме ненависти. Все остальные чувства исчезли. Морозов говорил, что у него так же. Хотя, вряд ли. Данилов помнил его лукавые смеющиеся карие глаза, когда он вместе с братьями Афоновыми вернулся в штаб после поджога гаража на заводе «Красный гидропресс», который немцы приспособили под ремонт танков, бронетранспортёров и автомашин. Тогда сгорело сорок единиц немецкой техники. Оккупанты подняли на уши весь Таганрог, чтобы найти поджигателей, на рынке устроили облаву, но единственные, кого им удалось поймать – парочку спекулянтов, промышлявших краденным из разорённых еврейских домов. Их расстреляли, конечно же. И поделом им! Комсомольскому подполью в городе пока ничего не угрожало, но всё-таки каждую минуту нужно было быть начеку.

Данилов стиснул зубы крепче и зашёл в дом. Плотнее завесил окна, чтобы ни единый лучик света не мог ни зайти, ни выйти из его томительной усыпальницы, и продолжил работу над радиоприёмником.

Йохена Пайпера многие считали заносчивым. А ему, действительно, было чем гордиться! Обладатель безупречной арийской внешности, он привлекал к себе безграничным обаянием, притягивал взгляды не только противоположного пола, но и вышестоящего начальства. Его красивое лицо с правильными чертами идеально вписывалось в формат любой встречи, приёма, торжества, поэтому руководство охотно брало его с собой. На одном из таких мероприятий его заметил Генрих Гиммлер и сразу же предложил стать своим адъютантом.

Прекрасно образованный, развитый физически и интеллектуально, начитанный, в совершенстве владеющий несколькими иностранными языками юноша сразу стал любимцем рейхсфюрера. Он бы смог сделать головокружительную карьеру в политике или в правлении СС, но предпочёл отправиться на фронт.

Когда его рапорт лёг на стол Гиммлера, Генрих не мог скрыть своего огорчения:

– Йохен, мальчик мой, ты точно уверен?

– Да. Я с детства мечтал быть военным. Эти тёплые кабинеты не для меня.

Ни уговоры, ни беременная жена, которую, кстати, Йоахиму подыскал его дальновидный начальник и которую парень ни капельки не любил, не смогли удержать его на Родине.

Пайпер давал присягу. Он принял командование батальоном бронетранспортёров и отбыл во Францию в составе моторизованной дивизии «Лейбштандарт СС "Адольф Гитлер"».

Холодный принц на белом танке... Любить его не научили. Да и кто бы это делал? Мать всё своё время посвящала старшему сыну, который был психически болен и упс... была не верна своему мужу... Какой пример она могла подать Йохену? Отец, герой Первой мировой, самоустранился. Хотя, он был хорошим примером для сыновей, но только лишь в военном деле.

Йоахим вырос в благородного офицера, но в душе так и остался холодной машиной для убийств. Особенно ситуация усугубилась, когда он поступил на службу в СС, а далее отправился на фронт.

Он ещё не знает, что его ждёт... Никого не осуждай, мой друг, ведь ты не знаешь своей судьбы. Йоахим ещё не знает, что одного из его братьев, Хорста, сослуживцы обвинят в гомосексуализме и вынудят его покончить с собой, а самый старший, Ханс-Хассо, попадёт под живодёрскую программу принудительной эвтаназии бесполезных элементов общества, разработанную министром здравоохранения Третьего Рейха Карлом Брандтом. И Йохен будет знать об этом, знать, что Они убили его родного брата, но продолжит служить Их режиму. А его собственная судьба – потёмки... Пока ещё... Говорят, пока не знаешь своего будущего, его ещё можно изменить... Не дать схлопнуться волновой функции¹³ в одном-единственном возможном положении. А может, всё уже предопределено?

Эх, а как хорошо-то тут! Море, солнце, тёплая терпкая осень...

Это место отчего-то напоминало ему дом.

Высокий стройный офицер с безупречно ровной спиной и сдержанным взглядом чуть задержался на набережной, провожая взглядом белокрылых чаек, и прыгнул в автомобиль.

– В штаб.

Ну да, в штаб... Куда же ещё? Раньше в этом добротном старинном особняке располагалась гимназия им. Чехова и музей великого русского писателя, а теперь немчура топчит блестящий дорогой паркет своими грязными сапогами.

Вечером Йохен будет отрываться в кабаре в компании Вюнше и Мейера. Вино будет литься рекой, а на сцене будут плясать размалёванные танцовщицы. Впрочем, Йохена они не интересуют. Ему интересна только война и его эго. И его совсем не волнует, что театр, в

¹³ Волновая функция (пси-функция) — ключевой математический инструмент в квантовой механике, который описывает состояние квантовой системы. Это комплекснозначная функция, зависящая от пространственных координат и времени: $\Psi(r, t)$. Она отражает как корпускулярные, так и волновые свойства микроробъектов.

котором ставились бессмертные пьесы Чехова, которого он очень уважает и любит, превращён практически в низкопробное кабаре. Иногда Йохену всё же нравится веселиться. Но только иногда. А так он почти всегда сдержан, собран, серьёзен. Голова и сердце холодны, как лёд. Может, он ещё просто не встретил ту, которая его растопит?

Вечер проходит именно так, как Йоахим себе и представлял. Вюнше и Мейер – два закадычных друга – накидываются, как не в себя. Шалопайи. Но всё меняется, когда Макс видит Нонну... Нонна Трофимова заходит в душный прокуренный зал в сопровождении капитана Вилли Брандта. Она только недавно поступила на службу в комендатуру переводчицей. Брандт снимает у её матери квартиру. С Вюнше девушка познакомилась, когда он заходил к капитану в гости.

Нонна хрупка, словно хрустальная ваза. На ней лёгкое ситцевое платье в красный горошек, длинные блестящие волосы собраны в скромную причёску. Девушка боится, что-то её беспокоит, но она пытается ничем не выдать своего страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.